

Брак Августа Эсборна

Рассказ

А. С. Грин

Посвящаю Нине Н. Грин

I

В 1903-м году, в Лондоне, женился Август Эсборн, человек двадцати девяти лет, красивый и состоятельный (он был пайщик судостроительной верфи), на молодой девушке, Алисе Безанд, сироте, бывшей моложе его на девять лет. Эсборн недолго ухаживал за Алисой, ее зависимое положение в качестве гувернантки и способность Эсборна нравиться скоро определили желанный ответ.

Когда молодые приехали из церкви и вошли в квартиру Эсборна, всем было ясно, что гости и родственники Эсборна присутствуют при начале одного из самых счастливых совместных путей, начинаемых мужчиной и женщиной. Богатая квартира Эсборна утопала в цветах и огнях, стол сверкал пышной сервировкой и музыканты встретили мужа и жену оглушительным тусшем. Повяло той наивной и эгоистической сердечностью, какая присуща счастливым. Выражение лица Алисы Эсборн и ее мужа определило настроение всех — это были две пары блаженных глаз с неудержимой улыбкой своего, внутреннего мира.

Все, между тем, обратили внимание на то, что после первого тоста, сказанного полковником Рипсом, — Эсборн, склонив лицо к руке, которой вертел цветок, о чем-то задумался. Когда он поднял голову, в его глазах мелькнула упорная рассеянность, но это скоро прошло и он стал шутить попрежнему.

Когда ужин кончился и гости раз'ехались, Эсборн подошел к жене, посмотрел ей в глаза и, поцеловав руку, сказал, что выйдет из дома минут на десять для того, чтобы свежий воздух прогнал легкую головную боль. Закруженная всем этим днем, полным волнения и усталости счастья, Алиса неумело поцеловала Эсборна в склоненную голову и пошла к себе ожидать возвращения своего мужа.

Задумавшись, она сидела перед зеркалом, перебирая распущенные волосы и смотря в глубину стекла, где отражались ее широко раскрытые глаза. Здесь с ней произошла та ясная игра представлений, какая, при воспоминании о ней, подобна самой действительности. Алисе казалось, что ее жених-муж стоит сзади за стулом, но не отражается почему-то в зеркале. Такое чувство обеспокоило, наконец, молодую женщину; она встряхнула блестящими черными волосами и обернулась, хотя знала, что никого не увидит; и в тот момент часы на камине пробили полночь. Это значило, что прошел час, как вышел Эсборн, — час, исчезнувший в смуте и быстроте сменяющихся одним другим напряженных чувств перемены судьбы.

Не зная, что думать, обеспокоенная женщина позвала слугу, попросила его обойти квартал и ближайший сквер, и когда слуга вернулся ни с чем, прошло еще полчаса. Между тем, Алиса не могла найти места от тревоги. У нее было чувство, как если бы зимой открыли настежь все двери и окна в уютной квартире, впуслав холод и тлен. Она позво-

нила в полицию уже около пяти часов утра, когда еле держалась на ногах. В полиции записали приметы исчезнувшего Эсборна и, в быстром деловом темпе, обещали принять «все меры».

В эту ужасную ночь Алиса похоронила свои мечты, мужа и свежесть, — наивную свежесть ожидания счастливой душевной теплоты. Ее мозг получил сильное сотрясение. Еще два дня она ждала Эсборна, но утром третьего дня в ней как бы оборвался с страшной высоты последний камень, держась за который и изнемогая, висела она над внезапной пустотой *всего и во всем*.

Она заболела и ее, согласно ее желанию, перевезли в ее прежнюю комнату, в тот дом, где она служила гувернанткой. Хозяева приняли в ее судьбе исключительное участие. Когда она выздоровела, от брачной ночи у ослабевшей девушки остался испуг — боязнь звонка и стука в дверь. Ей казалось, что войдет он, уже невысказанный и отвергнутый. Что бы

с ним ни случилось, Алиса не могла бы теперь простить Эсборну, что он покинул ее среди ее первых, доверчивых минут, пусть это было предположено им даже на одну минуту.

Прошел год, другой. С ней встретился человек, которого тронула ее история, полюбил ее и стал ее мужем

II

Когда Август Эсборн вышел на улицу, то он вышел по подмигивающему, веселому приказанию беса невинной мифификации. Он был охвачен счастьем и жадно дышал воздухом счастья. Его голова, на самом деле, — не болела, и он вышел лишь оттого, что во время речи полковника, пожелавшего новобрачным «провести всю жизнь рука об руку, не расставаясь никогда», — представлял, со свойственной ему остротой воображения, сильную радость встречи после разлуки. Он не был ни жестоким, ни грубым человеком, но случалось, что им овладевала сила, которой он не мог противиться, отчего об'яснял ее, как причуду. Это была неосознанная жажда страдания и раскаяния.

Отходя к скверу, Эсборн подумал, как обрадуется после короткого испуга его Алиса, когда он вернется. Он намеревался побродить час, но, думая быстро обо всем этом, а по-

Новожилов

(Выставка «Бытие»)

За чтением

Ражин

Под деревом

(Выставка «Бытие»)

тому и быстро идя, он с удивлением улавливал, что пробило уже час ночи и на улицах становится все меньше народа. Он повернул и тотчас хотел вернуться, когда встретил этому невидимое и неясное противодействие. Оно было в его душе. Это было то самое, на что, делая сам себе явный вред, женщины не уступая доводам рассудка, говорят с тоской: «Ах, я ничего, ничего не знаю!» — а мужчины испытывают приближение Рока, заключенного в их противоречивых поступках. Он был испуган, расстроен своим состоянием и ему пришло на мысль, что лучше явиться домой утром, чтобы избежать расстройств и тяготы всей остальной ночи, тем более, что утром он надеялся представить жене все, как нелепую, случайно затянувшуюся выходку. Вначале — принять такое решение было дико и нестерпимо, но выхода не было. Эсборн завернул в гостиницу, взял номер и, сказав вымышленную фамилию, вошел, как был, — во фраке, белом галстуке, с цветком, — в холодный мрачный номер.

Слуги подумали, что это гость из ресторана. Разрываемый мыслями о доме и своем положении, Эсборн оглушил себя бутылкой чистого виски и уснул среди кошмаров. Все время было при нем. — с ним, — это тоскливое, мучительное противодействие — непокорная черная игла, направленная к его рвущемуся домой сердцу. Он забылся, наконец, спал и проснулся в одиннадцать. Тогда перед ним встал вопрос: «что теперь делать?».

III

Он видел, что все погибло, погибает, и что если принять меры, то надо сделать это немедленно. Вчерашнее решение притти сейчас, утром, оказывалось едва ли возможным. Девушка, проведенная ночь в слезах, страхе и стыде, если бы и поняла его крайним, самоотверженным усилием, то все же не совместила бы такого поступка с любовью и уважением к ней. Сбитый в мыслях, он возмутился против себя и против нее, все время повинувшись этой, достигшей теперь болезненной остроты тайной центробежной силе, отдалявшей какое-либо нормальное решение. Он захотел написать письмо, но слова не повиновались так, как он хотел, и великое утомление напало на него при первом серьезном усилии. Эсборн был теперь, как перегоревший шлак, так много он пережил за эти часы.

Эсборн провел рукой по глазам. Внезапно вспомнив, что должны думать о нем, он послал за газетой и, развернув ее, отыскал, с злым изумлением, известие о загадочном исчезновении А. Эсборна, при обстоятельствах, которые знал сам, но, читая, готов был усомниться, что Эсборн — это и есть он, читающий о себе.

Зло было сделано, непоправимое зло, и его любящей рукой был нанесен тяжкий удар невесте-жене. Он не мог бы теперь вернуться уже потому, что в Алисе навсегда остался бы страх перед его душой, о которой и сам он знал очень немного. И он не чувствовал себя способным солгать так, чтобы ложь имела плоть и кровь живой жизни.

Но, как это ни странно, мысли о невозможности возвращения несколько облегчили его. Он страдал больше, чем это можно представить, но имел мужество взглянуть в лицо новой своей судьбе. Постепенно его мысли пришли в порядок, в равновесие избитого тела, полубесчувственно распростертого среди темной ночной дороги.

Он переименовал имя, открыл, что произошло, своему другу, взяв с него клятву молчать, и получил свои деньги из банка по векселям, выданным теперь этому другу, на его имя, задним числом. Затем он переехал в отдаленную часть города и занялся другим делом, пошедшим успешно. Эсборн стал «пропавшим без вести». Джон Тернер, заменивший его, вошел в жизнь и жил, как все. На память о происшествии ему остались рано поседевшие волосы и одна неизменная, причудливая мысль, связанная с Алисой, —

теперь Алисой Регольд.

IV

Он не мог думать о ней, как о чужой и, время от времени, наводил справки о ее жизни, узнавал, через частный сыск, все главное. Он узнал о ее болезни, о потрясении, о выходе замуж. Причудливой мыслью Эсборна-Тернера являлось неотгоняемое представление, что он всегда с ней, в лице этого Регольда, служащего торговой конторы. Он был, про себя, ее настоящим мужем на расстоянии, невидимый и даже несуществующий для нее. По грубой канве сведений, доставляемых сыском, Эсборн создал картину

Богданов

Мастерицы

(Выставка «Бытие»)

Осеркин

(Выставка «Бытие»)

Подмосковный трактир

ежедневного семейного быта Алисы, ее забот, чаяний. Он узнавал о рождении ее детей, волновался и радовался, когда жизнь текла спокойно в доме Регольдов, огорчался и беспокоился, если болели дети или наступали материальные затруднения. Это были — не то мечты о доме, что могло и должно было совершаться в собственной его жизни, — не то — непрерывное мысленное присутствие. Иногда он воображал, что получится, если он придет и скажет: «Вот я», но сделать это, казалось, было так же невозможно, как стать, действительно, Джоном Тернером.

Так шло и прошло одиннадцать лет. На двенадцатом году безвестия Эсборн узнал, что Регольд уехал на шесть месяцев в Индию, и у него, противу всех душевных запретов, стало нарастать желание увидеть Алису. И в один день, в жаркий, изнемогающий от жары и неподвижности воздуха, день он поехал, как на казнь, к дому, где жила Алиса Регольд.

По мере того, как автомобиль мчал несчастного человека к невозможному, останавливающему мысли свиданию, ему казалось, что он мчится в глубь прошедших годов и что время — не более, как мучение. Жизнь перевертывалась обратным концом. Его душа трепетала в возвращающейся повизне прошлого. Тяжелый автоматизм чувств мешал думать. Весь вдруг ослабев, он поднялся по ступеням к двери и нажал кнопку звонка.

Он переходил от сна к сну, — весь содрогаясь и горя, мучаясь и не сознавая, как, кто проводит его к раскрытой двери гостиной. И он перешагнул на ковре, в свете комнаты, где увидел подходящую к нему, постаревшую, красивую, с заметившимся между бровей нервным усилением, — женщину в серо-голубом платье. Сначала он не узнал ее, затем узнал так, как будто видел вчера.

Она побледнела и вскрикнула таким криком, в котором сказано все. Шатаясь, Эсборн упал на колени и, протянув руки, схватил похолодевшую руку женщины.

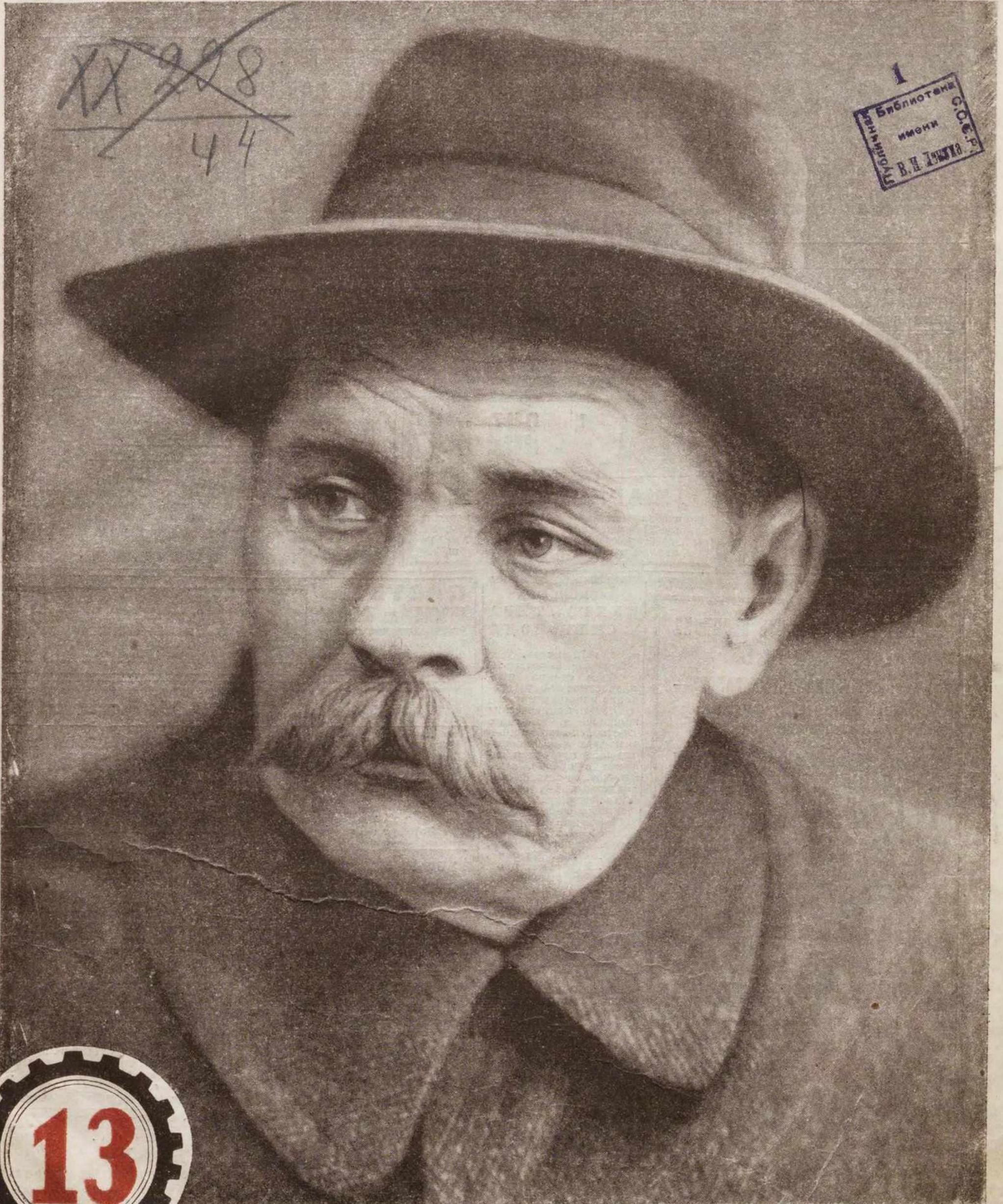
— Прости! — сказал он, сам ужасаясь этому слову,

— Я рада, что вы живы, Эсборн, — сказала, наконец, Алиса Регольд издали, голосом, который был мучительно знаком Эсборну. — Благодарю вас, что вы пришли. Все эти годы... — упав в кресло, она быстро, навзрыд заплакала и договорила: — все годы я думала о самом ужасном. Но не сейчас. Уйдите и напишите, — о, мне так тяжело, Август!

— Я уйду, — сказал Эсборн. — Там, в моем дневнике... Я писал каждый день... Может быть, вы поймете...

Его сердце не выдержало этой страшной минуты. Из шкапа выскочил спящий, запертый маленький мальчик, с воплем охватил ноги невестки и умер, потому что умер уже давно.

КРАСНАЯ НИВА

~~XX 208~~
44

1
Библиотека
имени
В. И. Ленина
С. С. Р.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
(С новейшего портрета)

КРАСНАЯ НИВА

№ 13—28 марта 1926 г.

Четвертый год издания.

Учитель

Рассказ

Алексей Толстой

Рисунки Ив. Малютина

Часу в пятом дня учитель, Константин Павлович, проснувшись после обеда, тщательно причесал русые волосы, откинутые над высоким лбом, сунул под мышку том толстого либерального журнала и вышел в садик, что при школе.

— Марья,—позвал он баском,—Марья, самоварчик.— И сел под акацией у стола в камышовое кресло. Развернув журнал, он помял его, чтобы не топорщился, удобно заложил нога на ногу и, почесывая в бороде карандашом, продолжал читать статью «Очерки русской действительности».

В поле за школой сладко пели жаворонки. Свет невысокого солнца был приятен. Воз сена проехал за изгородью, и две девки, лежа на возу, пели на тонкий голос:

Кашинские—жулики,
Мирошкински—мазурики,
А наши парни—маленьки,
Что цветочки аленьки.

Потревоженный учитель прищурился близорукими глазами на воз, и с сердцем перевернул страницу. Марья принесла самовар. Пришел голенастый петух с необыкновенно зеленым хвостом,—набитый дурак, не мигая глядел на учителя. Солнце клонилось ниже, и невидимое до того, длинное облачко порозовело у него на пути. «Ай, ай, ай,—читая прощентал учитель, и карандашом отметил на полях: «Стыдно»...

В то же время, рядом со школой, в приходском ветхом домике проснулся после обеденного отдохновения дьячок. Зевнув сладко, с подвыванием, он некоторое время почесывался, покряхтывал, затем поглядел на низкое солнце, за-

суетился,—«батюшки, самовар-то простыл», подпоясал ремешком вылинявший от превратностей жизни саржевый подрясник, по пути выгнал из сеней чужую курицу и побрел через дорогу к школе.

Звали дьячка, так же, как и учителя,—Константин Павлович. Лицо у него было смирное, красноватое, точно помазанное коровьим маслом. Одна щека несколько раздута вследствие давнишнего повреждения, голос мягкий, нараспев, как у кота, но с гнусавинкой.

Когда он появился в палисаднике, учитель проговорил, не поднимая головы от книги:

— Садитесь, наливайте чаю.

Дьячок повесил соломенную шляпу на акацию и с удовольствием поглядел на стол,—все в порядке: самовар так и трясется, шелкает искрами из решетки, топленое молоко—в кринке, ситник, тарелка с вишнями.

— Будем пить с вишенем, или с молоком сначала? Как вы решите, Константин Павлович?—спросил дьячок.

— Безразлично,—сухо ответил учитель.

Дьячок налил первый стакан с молоком,—очень хорошо. Налил по второму с молоком же. Оглянул сад и поле,—очень хорошо. Третий налил опять с молочком, вытащил ногтями муху. Расстегнул подрясник. А учитель все читал. Дьячок поерзал по табурету:

— Что вы все читаете? Константин Павлович, смотрите—глаза прочтаете.

— Отстаньте от меня, Константин Павлович,—ответил учитель.

Дьячок покачал головой, вздохнул и налил, не стуча, не шурша, по четвертому—с вишенем. Очень ему хотелось поговорить, но боялся, как бы не рассердился учитель.

Жили они дружно, каждодневно сходились пить чай,—летом в палисаднике, зимой в теплой горнице при школе. Дьячок очень уважал Константина Павловича за ученость. Учитель, человек самолюбивый, такое отиошение к себе